

А.Ф.Кофман

Гонсало Писарро — первопроходец и мятежник

Статья посвящена сводному брату конкистадора Франсиско Писарро, Гонсало Писарро, который сыграл значительную роль в исследовании Америки и в истории колониального периода. Следствием его экспедиции в Страну Корицы было великое географическое открытие, а его мятеж против королевской власти стал отдаленным провозвестником американской независимости.

Ключевые слова: Перу, конкистадор, губернатор, вице-король, Новые законы.

СОБСТВЕННАЯ КОНКИСТА

Братья Писарро родились в городке Трухильо провинции Эстремадура. Их отец, бедный идалго, капитан инфантерии, видимо, не отличался строгостью нравов и наряду с законным сыном Эрнандо, рожденным в 1478 г. в браке, произвел на свет от разных женщин трех незаконных сыновей: Франсиско (1475), Хуана (1511) и Гонсало (1512). В 1528 г. Франсиско Писарро прибыл в Испанию, чтобы подписать договор с королем о завоевании Перу, после чего увлек за собою в Новый Свет трех сводных братьев. Все трое бок о бок участвовали в великой авантюре, и надо признать, «семейный квартет» играл очень слаженно.

Не будем пересказывать события, описанные в любом школьном учебнике по истории. Жизнеописание Гонсало Писарро следует начать с 1539 г., когда Франсиско назначил его губернатором Кито. Всегда находившийся под опекой своих старших братьев, Гонсало, наконец-то, обрел относительную независимость, а всякий конкистадор, ставший независимым, мечтает лишь об одном: свершить «собственную конкисту». Гонсало Писарро добыл «превеликие новости» о Стране Корицы на востоке от Кито; а если учитывать, что в то время корица ценилась на вес золота, то он, можно сказать, отправлялся на поиски своего Эльдорадо.

К тому времени Гонсало Писарро был несметно богат, и вовсе не алчность двигала им, когда он снаряжал экспедицию в Страну Корицы, —

Андрей Федорович Кофман – доктор филологических наук, заведующий отделом литератур Европы и Америки Новейшего времени Института мировой литературы РАН (andrey.kofman@gmail.com).

Гонсало Писарро

днем и ночью, не переставая, лили дожди, и многие свалились в тропической лихорадке. Но никакие трудности не могли остановить Писарро на пути к заветной цели: осенью 1540 г. он добрался-таки до благословенного края, где обнаружились обширные леса коричневого дерева. Кроме того, на этих густонаселенных землях было вдоволь пропитания, а местные индейцы носили золотые украшения. Гонсало Писарро мог быть уверен, что нашел свое Эльдorado.

Казалось бы, теперь можно с чистой совестью поворачивать назад, но генерал-капитан возжелал свершить как можно больше открытий. Его мышление, типичное для конкистадора, подчинялось той мифологической схеме, которая принесла немало бед многим из них: обнаружив «добрую землю», населенную сколько-нибудь цивилизованными туземцами, они считали, что дальше, «в глубине земли», их ждут «провинции» одна богаче другой и ретиво бросались вперед, чтобы увязнуть в глуши и в безлюдье.

Итак, Гонсало безрассудно двинулся дальше на восток и углубился в непролазную безлюдную сельву, где путь приходилось пролагать с помощью мечей и топоров. Через месяц кошмарного перехода пора было бы опомниться и повернуть назад, подумав о людях, изнуренных голодом, болезнями и усталостью. Но в декабре 1540 г. испанцы вышли на берега полноводной реки Напо*, и генерал-капитан вновь воспрял духом. Большая река внушает большие надежды: ее берега должны быть заселены, она ведет к городам, к тому же река — самая удобная дорога в глубину земли. Но это, по сути своей европейское восприятие большой реки, нисколько не отражало американскую реальность. Болотистые либо покрытые чашчобой берега Напо оказались безлюдны и непролазны, но Писарро продолжал упорствовать и наперекор всему повел войско вдоль берега. Однако люди

он мечтал прославиться собственным открытием и завоеванием. Экспедиция была роскошно экипирована: 280 испанцев, 260 коней (а цена каждого достигала 500 песо)¹, огромное количество огнестрельного оружия, пороха и зарядов, 4 тыс. индейцев-носильщиков, несметные стада лам и свиней на прокорм.

В начале 1540 г. экспедиция двинулась на восток. По словам индейских проводников, Страна Корицы лежала за высокой грядой гор, и испанцам пришлось карабкаться наверх и преодолевать Восточную Кордильеру; а в горах под ледяными ветрами и снегопадами замерзли сотни индейцев-носильщиков и полегли стада скота. Когда испанцы спустились на низменные земли, ледяная стужа сменилась удушающей жарой, два месяца кряду,

* Река в Эквадоре и Перу, левый приток Амазонки, берет начало в Андах, течет на юго-восток.

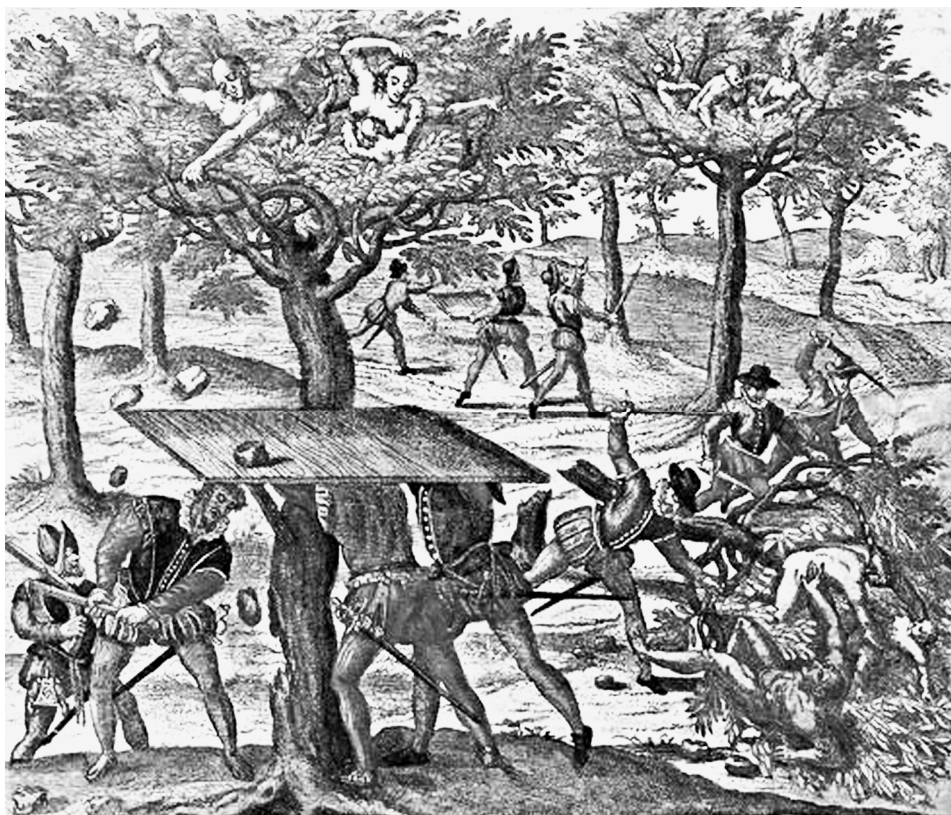

находились на пределе сил, а многие от истощения и болезней вообще не могли передвигаться. Отступить? Ни в коем случае. Писарро решил строить корабль, на котором можно будет везти грузы и больных. Строительство судна заняло два месяца, но дальше дело пошло веселее. Грузы и больные сплавлялись по реке, а главное, в тех местах, где один берег оказывался совсем непроходимым, войско переправлялось на другой берег и продолжало путь. И так испанцы спустились вниз по реке на 500 км, пока впервые не достигли Амазонской низменности.

Провизии в этих безлюдных местах не было, а голод становился все ощутимее. От местных индейцев конкистадоры узнали, что в десяти днях пути вниз по течению реки Напо, там, где она впадает в другую реку (Амазонку), лежит изобильный край. Продираться туда всем войском по берегу сил уже не было, а лодок на всех не построишь. И тогда Гонсало принял решение отправить на судне за провизией отряд в полсотни человек и назначил капитаном своего заместителя Франсиско де Орельяну.

Если бы Писарро повнимательнее посмотрел на быстрое течение реки и поразмыслил, каким это чудесным образом груженные провизией лодки возвратятся назад, может, он и отменил бы свое решение и уж во всяком случае не стал бы впоследствии обвинять Орельяну в предательстве. Нашему герою вновь не хватило дальновидности, и 26 декабря 1541 г. 57 испанцев и сколько-то слуг-индейцев сели на судно и в несколько каноэ и отправились за пропитанием.

Недели шли за неделями, а о разведчиках — ни слуху ни духу. Что же предпринять в этих отчаянных обстоятельствах? Писарро принимает очень сомнительное решение — идти берегом до слияния рек, где, как он полагает, его ждет Франсиско де Орельяна, заваленный запасами провизии. Если бы ждал, то уж, наверное, послал бы легкое каноэ с несколькими людьми вверх по течению известить генерал-капитана. Этот страшный поход до слияния рек (еще 500 километров!) занял два месяца — и все для того, чтобы в устье Напо отыскать полуобнаженного одичавшего до последней сте-

Испанцы обороняются от индейцев, живущих на деревьях

пени солдата, который сообщил Писарро, что его заместитель, не найдя провизии, решил сплавляться дальше вниз по реке. Этот солдат резко возразил против такого решения, предлагая Орельяне подождать генерал-капитана, но остался в гордом одиночестве. Можно только изумляться тому, как за три месяца ожидания в дикой сельве он не был убит туземцами, не сожран дикими зверьми, не умер от голода и не сошел с ума. А теперь пусть читатель представит себе состояние Гонсало и его оголодавших людей, когда они узнали о случившемся.

Что же дальше? Остается только одно: возвращаться. Предстояло преодолеть тысячи две километров через болота, чащобы, горы... Одна мысль об этом ввергала людей в отчаяние. Но генерал-капитан им попался отменный. По словам хрониста Инки Гарсиласо де Ла Веги, Писарро «утешал солдат и укреплял их дух, и внушал им, что они как истинные испанцы должны достойно перенести сии тяготы, и не только эти, но и большие, если понадобится, ибо чем большими будут эти тяготы, тем больше чести и славы они обретут и доброй памяти оставят по себе в веках»². Гонсало Писарро решил их вести другим, южным путем, в надежде на то, что они откроют другие богатые страны, но этот путь оказался чреват еще «большими тяготами», как и предрек Гонсало: еще полсотни солдат погибли на этом пути.

В июне 1542 г. в окрестностях Кито появились 80 изможденных людей, которые просили дать им что-нибудь из одежды, дабы прикрыть наготу. Предоставим слово хронисту Агустину де Сарате: «И Гонсало Писарро, и его солдаты появились, в чем мать родила, потому что одежда давно сгнила от непрерывных дождей; лишь два кусочка оленьей шкуры прикрывали тело спереди и сзади, а кое-кто смастерил себе из нее некое подобие штанов, обуви и шляпы; ножны у солдат порастерялись, шпаги заржавели. И все шли пешком, ноги и руки были в кровь исцарапаны колючками и острыми ветками, лица столь осунулись и побледнели, что стали почти неузнаваемы. (...) Увидев, что лошадей и одежды, привезенной жителями Кито, хватит лишь на военачальников, Гонсало Писарро и его капитаны отказались переодеваться в другое платье и ехать верхом, желая во всем сохранить равенство с простыми солдатами, как и подобает хорошим воинам»³.

А в самом Кито Гонсало Писарро ждали два удара. Первый: он узнал о том, что происходило в Перу за время его отсутствия. В 1541 г. сторонники казненного Диего де Альмагро во главе с его сыном Диего составили заговор, убили Франсиско Писарро, после чего почти на год взяли власть в Перу. Назначенный королем губернатор Перу Вака де Кастро с помощью сторонников Писарро в сентябре 1542 г. разбил Диего в битве при Чупасе и предал казни. Второй удар и не менее страшный: взглянув на образцы коричного дерева, знающие люди сказали, что никакого отношения к драгоценной цейлонской корице они не имеют.

Экспедиция в Страну корицы оказалась бесплодна в отношении добычи, кроме того, она стоила жизней нескольких тысяч индейцев и 250 христиан. Ее нематериальный итог оказался важнее: был обследован еще один сегмент неведомого пространства Южной Америки. Главным следствием этой экспедиции стало великое географическое открытие: отряд под командованием Франсиско де Орельяны, посланный за пропитанием, за девять месяцев сплавился по великой реке, впоследствии названной Амазонкой, вышел в Атлантический океан и чудом добрался до испанского поселения на о. Маргарита. После этого плавания стали понятны истинные размеры южноамериканского материка. Так что Гонсало Писарро прочно вписал свое имя в историю географических открытий. Но ему еще предстояло столь же прочно вписать свое имя в политическую историю Испанской Америки.

ОХОТА НА ВИЦЕ-КОРОЛЯ

После казни Альмагро-младшего два года перуанская колония пребывала в мире и спокойствии под твердой властью королевского ревизора Ваки де Кастро. Дабы прекратить дальнейшие смуты и беспорядки, монарх решил преобразовать Перу в вице-королевство. Однако назначенный вице-королем Бласко Нуньес Вела вез в Перу документ, который еще больше накалил атмосферу в колонии, и без того измученной восстаниями, раздорами и гражданскими войнами.

Надо сказать, что политика испанского короля в Новом Свете была направлена на то, чтобы облегчить участь индейцев и урезать права конкистадоров. Самая радикальная попытка такого рода была предпринята под давлением гуманистов, прежде всего защитника индейцев Бартоломе де

Вице-король убивает члена аудиенсии

Лас Касаса. Его усилия привели к тому, что император повелел созвать очередную хунту с целью выработать новые законы Индий. Под таким названием — Новые законы — они и вошли в историю принятые в Барселоне 20 ноября 1542 г. и дополненные в Вальядолиде в июне следующего года.

В Новых законах выделяются три тематические части. Первая касается организации и регламентации деятельности Королевского совета по делам Индий. Вторая определяет функции и юрисдикции аудиенсий, судебных коллегий, которые были призваны ограничить власть конкистадоров. Третья, и самая обширная часть касается обращения с индейцами, чему стоит уделить особое внимание. Ибо каждый из этих пунктов был, как удар, — один сильнее другого — по жизненным интересам конкистадоров.

Закон 20 гласил: «Приказываем и повелеваем, чтобы отныне и впредь ни под каким предлогом, будь то война, восстание либо выкуп, не разрешалось обращать в рабство какого бы то ни было индейца, и желаем, чтобы со всеми индейцами обращались как со свободными подданными короны Кастилии, благо таковыми они и являются»⁴. Затем — предписание аудиенсиям освободить всех индейцев, ранее обращенных в рабство. Далее — запрет брать индейцев в услужение против их воли, включая запрещение использовать их в качестве носильщиков и на добыче жемчуга. Это что же выходит, идалго понесет весь свой скarb? Возьмет кирку и спустится в рудник? Дальше того хуже: все королевские чиновники, начиная с вице-королей, а также священнослужители должны передать под власть короны всех индейцев, каких имеют в личном услужении, т.е., попросту говоря, лишиться своих энкомьенд. И, наконец, самый страшный, сокрушительный удар — закон 29: «Также приказываем и повелеваем, чтобы отныне и впредь ни один вице-король, губернатор, член аудиенсии, первооткрыва-

тель и кто бы то ни было не получал в услужение индейцев, будь то по распоряжению, передаче имущества, дарственной, продаже, наследованию или в какой иной форме, а если умирает владелец энкомьенды, то его индейцы передаются под власть короны»⁵.

Колонисты Перу узнали о Новых законах из писем своих испанских родственников и друзей. Какой стон, какой плач поднялся в колониях! Хронисты живо описывают, как богатые энкомендеро посыпали головы пеплом, рвали на себе одежды, ходили по улицам и рыдали: они, мол, честью и правдой служили королю, завоевали для него эти земли, а теперь, выходит, их жены и дети, лишённые права наследования, по миру пойдут! Понятно, с какими чувствами колонисты Перу ожидали вице-короля, которому было предписано огласить Новые законы и строго следить за их претворением в жизнь.

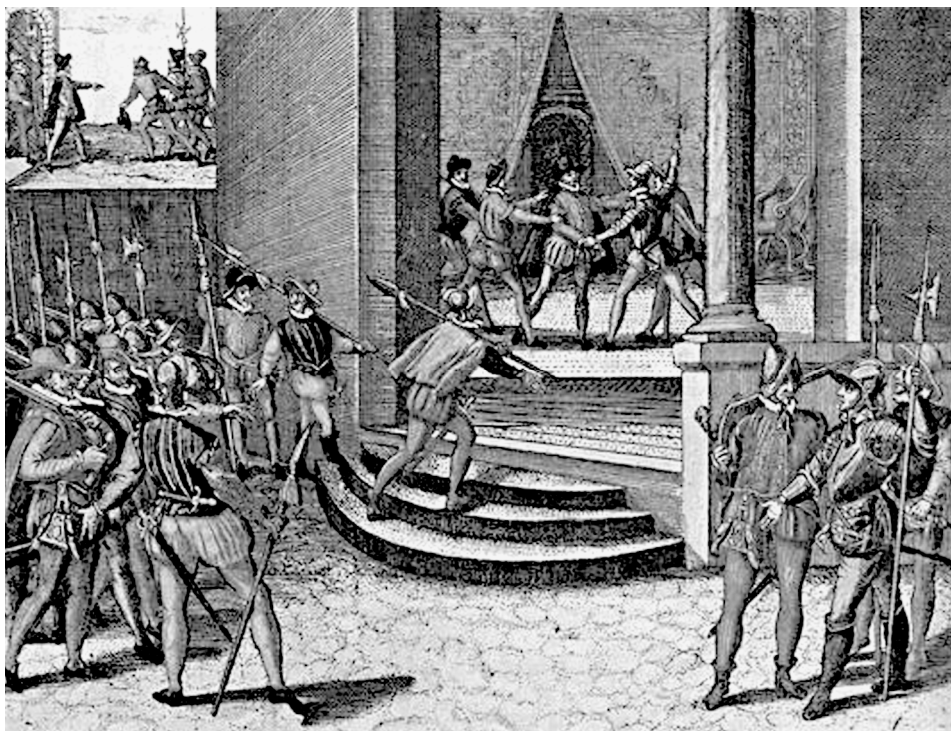

Вице-король Бласко Нуньес Вела

Королевский ревизор Вака де Кастро, человек рассудительный и прозорливый, всячески пытался удержать соотечественников от мятежа, но это уже было не в его силах. Испанцы обратились к Гонсало Писарро с призывом защитить их интересы, и тот без раздумий принял на себя роль «народного заступника». К тому же волею судеб он остался единственным наследником губернаторского поста убитого Франсиско Писарро, поскольку Хуан Писарро погиб во время индейского восстания (1536), а Эрнандо, посланный в Испанию с королевской пятой частью добычи, по ложному навету угодил в тюрьму на двадцать лет. В Куско, где находился Гонсало, стекались добровольческие отряды, и вскоре Писарро стоял во главе крупного войска.

Между тем в марте 1544 г. Нуньес Вела прибыл в Лиму. Жители столицы в открытую призывали воспрепятствовать высадке вице-короля, и Ваке де Кастро потребовалось приложить изрядные усилия, чтобы вице-король был допущен в город. В сложившейся обстановке вице-королю надлежало проявить осторожность, взвешенность, дипломатическое чутье, изворотливость. Нуньес Вела не обладал этими качествами и повел себя, как слон в посудной лавке. Он начал с того, что по необоснованным подозрениям в измене бросил в тюрьму два десятка своих верных сторонников, в том числе Ваку де Кастро (последнего он вскоре выслал в Испанию); затем перессорился с членами аудиенсии. А в заключение всех бед во время спора зарезал кинжалом всеми уважаемого члена городского совета Лимы и попытался тайно захоронить труп.

В результате очень скоро, всеми презираемый и ненавидимый, Нуньес Вела оказался в полной изоляции. В этих обстоятельствах он не придумал ничего лучше как вместе с членами аудиенсии перебазироваться в Трухи-

Арест вице-короля

лю, за 400 км от Лимы. Королевские чиновники категорически воспротивились такому решению, указывая на то, что в захолустье правительство станет недееспособным. Нуньес Вела настаивал на своем и угрожал, что применит силу. И тогда — доселе неслыханное в колониях! — аудиенсия постановила арестовать вице-короля, после чего жители Лимы во главе с королевскими судьями штурмом взяли его дворец, и с вице-королем поступили так же, как тот недавно обошелся с королевским ревизором: посадили на корабль и выслали в Испанию под надзором чиновника, который должен был изъяснить монарху суть происшедшего.

Свершив эту «революцию», аудиенсия послала гонцов к Гонсало Писарро, стоявшему с войском в Хаухе, с предложением возглавить правительство Перу. Тот не стал отказываться и 25 октября 1544 г. торжественно вступил в Лиму, где был облечен титулами губернатора и генерал-капитана Перу. Первое, что он сделал, — отменил Новые законы; второе — упрятал по тюрьмам недругов; третье — посадил на ключевые посты в городском управлении своих друзей.

Но спокойствием он наслаждался недолго. Случилось непредвиденное: видимо, свежий морской бриз остудил революционный пыл чиновника, надзиравшего за высланным вице-королем, и он предпочел предоставить вице-королю свободу и право распоряжаться на корабле. Нуньес Вела по натуре был бойцом и так просто Перу сдавать не желал, поэтому он высадился в Тумбесе и начал собирать армию. Вскоре под его знаменами стояли около 500 человек — преимущественно молодых, неопытных новичков.

Получив известия о высадке вице-короля, Писарро во главе шести сотен лучших солдат устремился на север к Тумбесу. Нуньес Вела был достаточно благоразумен, чтобы не ввязываться со своим молодняком в битву с ветеранами, и принял решение идти через Кито в провинцию Попаян, которой управлял Себастьян де Белалькасар.

Гонсало Писарро бросился следом. Началась многодневная, изматывающая погоня через горы; временами передовой отряд мятежников буквально наступал на пятки роялистам, но Нуньес Вела мчался во весь дух и сумел-таки невредимым добраться до Попаяна, где его тепло встретил Белалькасар. Писарро остался в Кито, выжидая, когда вице-король высунет нос из своего убежища. Дни шли за днями, неделя за неделей, но Нуньес Вела не торопился идти в наступление.

Из Кито Писарро направил письмо своему старому соратнику Белалькасару с предложением — ни много ни мало как убить вице-короля. Нешуточный, однако, настрой был у Писарро! Когда еще доселе в колониях звучали призывы убить королевского чиновника, да еще вице-короля? Писарро, видимо, не понимал, к кому обращался с этим призывом. Белалькасар был верным служакой, и даже Новые законы не смогли поколебать его верность королю. Губернатор удерживал Нуньеса Велу в Попаяне сколько мог, хотя тот горел желанием немедленно сокрушить узурпатора. Между тем Писарро устал выжидать и прибег к хитрости: распустил слух, будто спешит на юг, в Чаркас, подавлять там восстание роялистов. Он действительно вывел войска из Кито и встал лагерем недалеко от города, в укромном месте в горах.

Приманка сработала. Сколько ни увещевал Белалькасар вице-короля, призывая не лезть на рожон, окрыленный Нуньес Вела ускоренным маршем направился в Кито, думая закрепиться в городе и оттуда начать отвоевание Перу. Разведчики Писарро тщательно отслеживали передвижения противника, и на подходе к городу, в местечке Анакито, вице-короля ждало войско Гонсало, занявшее выгодные позиции. Еще не поздно было повернуть назад, но вице-король устал бегать, как заяц от собак, и решил принять вызов судьбы.

Исход битвы был предрешен. Хотя противники располагали равными кавалерийскими силами, по полтора всадников, пехоты у Писарро было вдвое больше. К тому же его войско сплошь состояло из ветеранов, которыми командовали опытейшие капитаны. Сражение, начавшееся на исходе дня 18 января 1545 г., было коротким, яростным и кровавым — треть роялистского войска полегла на поле боя. Вице-король, переодетый индейцем, чтобы его не узнали противники, погиб

Президент Перу Педро де Ла Гаска

в кавалерийской атаке. Несмотря на маскарад, его узнали, отрубили у мертвеца голову и воздели на пику, и конкистадоры выдирали из бороды седые волосы, чтобы «украсить» ими свои шлемы.

Победа при Анакито вызвала бурю восторга среди колонистов Перу. Вскоре дошли известия о победе над роялистами на юге, в Боливии. Звездный час Гонсало Писарро настал. В Лиме снесли несколько строений, чтобы расширить улицу, по которой он триумфально вступил в город, и эту улицу называли его именем. В столице Писарро зажил, как новоявленный Инка: выслушивал бесконечные славословия в свой адрес, завел личную гвардию в 80 человек, окружил себя роскошью. Он получил абсолютную власть в Перу; его величали не иначе, как Освободителем — именно такой почетный титул три века спустя получит Симон Боливар.

Однако сам Боливар не считал Гонсало Писарро своим предтечей — таковым он считал мятежника Лопе де Агирре, чье письмо королю приказал опубликовать*. Скорее всего, Боливар не читал послания, написанного ближайшим советником новоявленного губернатора Перу, 80-летним Франсиско Карвахалем — его-то по справедливости и следует назвать первым предтечей латиноамериканской независимости. Карвахаль ясно понимал, что на пути противостояния королевской власти оставался естественный логический шаг — отложиться от матери-Испании, к чему он и призывал Гонсало: «Сеньор, после того, как в битве погиб вице-король и голова его была воздета на пику, после всех смертей и бед, что мы причинили, нет никакого резона ожидать прощения короля или идти на соглашения с ним, сколько бы вы ни извинялись и не представляли себя невинным, как грудной младенец; нет смысла верить обещаниям и словам, сколь бы весомыми они ни казались; и посему было бы лучше, если бы вы провозгласили себя королем, увенчали главу короной, взяли бы под свою власть сие губернаторство, предназначенное для управления сторонними людьми, и распределили бы земли среди своих друзей и почитателей, дав им титулы герцогов, маркизов и графов, как это принято во всех королевствах мира»⁶. Письмо Карвахала показывает, как рано на американскую почву упали семена самостоятельности, которые два с половиной века спустя прорастут Войной за независимость.

Гонсало Писарро не решился на этот шаг. Будучи человеком недалеким, он наивно надеялся, будто король, приняв во внимание его заслуги при завоевании Перу и его «наследственные права», утвердит его на губернаторском посту.

ОХОТА НА ГОНСАЛО ПИСАРРО

Известие о мятеже в Перу быстро достигло Испании и крайне встревожило короля. Никогда доселе в колониях не происходило ничего подобного! А если Перу послужит заразным примером для других заокеанских территорий? Впрочем, мексиканские колонисты оказались поспокойнее и ограничились тем, что послали ко двору комиссию с просьбой пересмотреть законы. В 1545 г. делегация из Мексики добралась до Германии, где в то время находился император, и слезно воззвала к его монаршему благоразумию.

* Подробнее см.: Реляция Франсиско Васкеса о мятеже Лопе де Агирре. Предисловие, послесловие и перевод А. Кофмана. — Латинская Америка, 2010, № 5, 6, 7.

Неизвестно, действовали бы на монарха слезные мольбы, но восстание Писарро, безусловно, его впечатлило. И Карл V повелел созвать очередную хунту, перед которой в июне 1545 г. выступили посланцы из Мексики. В результате в октябре самые одиозные из Новых законов, в том числе пункт 29 о наследовании, были отменены. В колониях это известие встретили с ликованием; в Мексике устроили пышное празднество с боем быков, и, хотя формально оно было приурочено к религиозному празднику, все понимали, что святые тут не при чем.

Однако отмена Новых законов ничего не меняла в Перу, где по-прежнему властвовал самозванный губернатор, отменивший эти законы раньше короля. Необходимо было поставить мятежную колонию под твердую власть короны. Эту нелегкую и опасную миссию монарх возложил на магистра Педро де Ла Гаску, назначив его президентом Перу и дав ему практически диктаторские полномочия. Но ничем иным, кроме королевской грамоты, он эти полномочия не подкрепил — ни войсками, ни деньгами. Президент пересек океан лишь в сопровождении собственных слуг, и ему своими силами предстояло сломить и поставить на колени могущественного самозванца.

Магистр теологии Педро де Ла Гаска был низкого роста, хилым и невзрачной наружности; солдаты чуть ли не в открытую потешались над ним: вот уж нашли, кого противопоставить перуанцам! Хронист Франсиско Лопес де Гомара, сравнивая Нуньеса Велу с Ла Гаской, так объясняет выбор императора: «В конце концов он решил послать в Перу овечку, коль скоро лев оказался бессилён»⁷. Немногие знали, что сила нового королевского эмиссара сокрыта в глубоком знании человеческой природы, даре убеждения, железной твердости характера, незаурядном уме и таланте политика.

Сложность состояла в том, что, путь в Перу лежал через Панаму, где правил тайный сторонник Писарро губернатор Педро де Инохоса и где Гонсало держал свой флот из 22 кораблей. Президент смело направился напрямик в Панаму и быстро склонил Педро де Инохосу на свою сторону. В результате губернатор передал под его командование флот Писарро и отправил последнему письма от короля и от Ла Гаски. В письме императора не содержалось ни слова попрека, но его величество так же ни словом не обнадежил Писарро относительно притязаний на губернаторский пост: он приказывал мятежнику во всем подчиниться его посланцу и совместно с ним «умиротворить» колонию. Ла Гаска в своем послании, так же избегая попреков, ясно намекнул на возможность прощения.

Мнения двух ближайших советников Писарро разделились. Его «правая рука», умудренный жизненным опытом Франсиско де Карвахаль, советовал принять обещанное прощение. «Левая рука» Писарро, лицензиат Сепеда, обвинил Карвахалья в стремлении спасти собственную шкуру. В своей хронике Педро Писарро так охарактеризовал своего двоюродного дядю Гонсало: «Он был храбр, но не отличался умом и знаниями»⁸. Добавим от себя: в том числе и знанием человеческой природы. Будь иначе, едва ли Гонсало Писарро решил бы продолжить сопротивление.

Между прочим, из письма президента он узнал, что Новые законы отменены; и с этого момента его действия диктовались уже не коллективными чаяниями, а лишь тщеславием и властолюбием. Нежелание расстаться с

Гонсало Писарро взят в плен

властью продиктовало ему следующий шаг. Он спешно отправил посланника в Испанию ходатайствовать перед королем, чтобы тот утвердил его на губернаторском посту. На роль ходатая он выбрал Лоренсо де Альдану, но путь в Испанию лежал через Панаму, где Альдана попался служителям Ла Гаски. Желая заслужить прощение, Альдана тут же переметнулся на сторону президента и стал самым деятельным его помощником.

Ла Гаска расспрашивал, Альдана информировал. С его слов выходило, что Писарро не пойдет на попятный. Значит, настала пора переходить от слов к делу. И Ла Гаска спешно стал готовить к отплытию флот, во главе которого поставил Альдану; не скупясь на обещания, они занимали деньги у богатых энкомендеро и рекрутировали солдат. Гонсало тоже не дремал. Он готовил Лиму к обороне и вложил колоссальную сумму — 500 тыс. песо — в вооружение и экипировку войска. В войско были рекрутированы 1000 человек, вооруженных до зубов, в том числе невысказанно дорогим по тем временам огнестрельным оружием.

Что может противопоставить такой силе хилый магистр теологии с его двумя сотнями наспех вооруженных солдат? Однако Ла Гаска обладал оружием куда более мощным, чем люди, кони, пушки и аркебузы вместе взятые. Это оружие — листки бумаги, воззвания президента, проникавшие в Лиму и другие порты Перу. Ла Гаска понимал: авторитет и власть Писарро держатся на коллективном неприятии Новых законов, а также на страхе наказания. В своих воззваниях президент двумя точными ударами выбил почву из-под ног самозванца, объявив об отмене Новых законов и о прощении всем, кто не станет воевать против законной власти. Ради чего тогда рисковать головой? Ради амбиций самозванного губернатора? Таких охотников нашлось немного.

Гонсало Писарро с ужасом наблюдал, как его великолепное войско тает, как меняется отношение к нему жителей Лимы. Вдобавок он узнал об измене Альданы и о том, что его флот попал в руки противника. Чтобы сохранить остатки войска, Гонсало вышел из Лимы в Арекипу, а столица гостеприимно распахнула двери флоту Альданы. Понимая, что игра проиграна и что на переговоры с мятежником Ла Гаска уже не пойдут, Гонсало двинулся в Чили. Но путь туда лежал через Чаркас (северная часть нынешней Боливии) — оплот роялистов.

Отряд роялистов во главе с Эрнаном Сентено поджидал Писарро близ города Уарина*. Сентено не сомневался в победе, имея 1000 великолепно экипированных солдат, из них 250 всадников, тогда как в войске Гонсало насчитывалось 480 человек и всего 85 кавалеристов. Битва произошла 26 октября 1547 г. Ее описания не позволяют восстановить внятную картину происшедшего, ибо чудо не поддается рациональному истолкованию. Кавалерия Сентено одним ударом смяла конницу мятежников, но пехота Писарро с такой яростью бросилась в атаку, что эскадроны роялистов дрогнули и обратились в беспорядочное бегство, увлекая за собой кавалерию; преследуя бегущих, мятежники ворвались в лагерь противника, где захватили огромную добычу: золото, оружие, коней, провизию. Битва при Уарине оказалась самой кровавой в перуанских гражданских войнах. Роялистов погибло три с половиной сотни человек, писарристов — сотня.

Нет бы Гонсало поблагодарить судьбу и продолжить путь в Чили! Но он разом поменял планы и решил продолжить борьбу за Перу. Поэтому из провинции Чаркас он направился в Куско, где был встречен триумфальными арками и славословиями. Здесь он и опочил на лаврах.

Стоит привести любопытное личное свидетельство Инки Гарсиласо де Ла Веги: ему тогда было девять лет, и он находился в Куско под присмотром своего отца, который служил капитаном в мятежном войске. «Я сам видел Гонсало Писарро в городе Куско, где он пребывал после битвы при Уарина и до битвы при Саксауана, что составило шесть месяцев, и на протяжении сего времени я преимущественно находился в его доме и наблюдал, как он жил у себя и за пределами своего жилища. Все ему воздавали

* Ныне небольшой город с тем же названием в 50 км к северо-западу от столицы Боливии Ла-Паса.

Казнь Гонсало Писарро

превеликие почести, и куда бы он ни направлялся, пешком или верхом, его сопровождали толпы солдат и горожан, и со всеми он бы столь любезен и вел себя так по-братски, что никто не мог на него пожаловаться ... Несколько раз я видел, как он вкушает пищу; а ел он всегда в обществе, за огромным столом, где всякий раз усаживались не менее ста человек, он же сидел во главе стола, и два места слева и справа от него всегда оставались свободными. Его капитаны обыкновенно ели по своим домам, а за стол с Гонсало Писарро усаживались простые солдаты, кто пожелает»⁹.

Пока Писарро пребывал в блаженном бездействии, Ла Гаска, получив известие о поражении Сентено, без промедления протрубил воинский сбор, разослал призывы о помощи по всем городам, снял с кораблей всю артиллерию и устремился в Куско. По пути его армия росла, как снежный ком, за счет подходивших отовсюду подкреплений: даже Белалькасар из Кито подоспел к театру военных действий. Ранее Писарро приказал разрушить мосты через бурную и широкую реку Апуримак и потому полагал, что находится в полной безопасности. Достаточно было оставить военное укрепление и небольшой отряд на берегу, и река действительно стала бы непреодолимым препятствием; но беспечный Писарро не озаботился даже этим.

Подойдя к реке, Ла Гаска немедленно принялся за наведение моста; работали, не покладая рук, все до единого, включая самого президента, — в результате мост был наведен в кратчайшие сроки. Когда Писарро опомнился и послал отряд воспрепятствовать переправе, было уже поздно: передовые части роялистов закреплялись на противоположном берегу. Мудрый Карвахаль советовал Гонсало уносить ноги из Куско. Но самозванный генерал слепо верил в свою звезду и решил все поставить на кон в решающем сражении.

Оно произошло 8 апреля в долине Хакихагуана, и если битва при Уарине, как говорилось, была самой кровавой, то эта оказалась самой бескровной. Она началась с того, что капитан Гарсиласо де Ла Вега прищпорил коня и устремился навстречу противнику — чтобы сдаться роялистам: его сын-хронист настаивает, что именно он первым переметнулся на сторону Ла Гаски, показав пример для подражания остальным¹⁰. Гонсало отдал приказ о фронтальной атаке командующему кавалерией лиценциату Сепеде, который, напомним, в Лиме уговорил мятежника не поддаваться посулам короля. Сепеда прищпорил коня и на всем скаку перемахнул к противнику. Посланный за ним в погоню эскадрон так же лихо сдался. Писарро дрогнувшим голосом приказал аркебузирам и артиллерии открыть огонь. Но аркебузиры пошвыряли оружие и перебежали к роялистам, а вслед за ними устремились остатки кавалерии и пехоты. «Вот такова оказалась баталия при Саксауамане, ежели ее позволительно назвать этим словом, ибо в сем сражении не было ни единого удара мечом, ни броска копья, ни аркебузного выстрела, ни единой стычки...», — пишет Инка Гарсиласо де Ла Вега¹¹. Не прошло и получаса, как Писарро остался в окружении горстки ближайших соратников. Один из них воскликнул с пафосом: «Бросимся на противника и умрем, как римляне!». «Нет, я предпочитаю умереть, как христианин», — ответил на это Писарро и, понунив голову, шагом поехал сдаваться королевскому посланнику.

После судебного процесса Писарро был приговорен к отсечению головы, Карвахаль — к четвертованию. Ла Гаска казнил около двух десятков человек из числа самых верных соратников Писарро, остальные командующие, в зависимости от степени вины, подверглись публичной порке, конфискации имущества или ссылке. Головы казненных были выставлены в железных клетках в разных городах Перу. Дома Писарро и Карвахалья в Куско и в Лиме сровняли с землей, а землю, на которой они стояли, засыпали пеплом и известью, дабы на этом месте не выросло ни травинки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ortiguera Toribio de. Jornada del río Marañón con todo lo acaecido en ella y otras cosas notables dignas de ser sabidas en las Indias Occidentales. — Cronistas coloniales. 2 Tomo. Quito. 1960, p. 423—424.

² Inca Garcilazo de la Vega. Historia general de Perú. Buenos Aires, 1944, p. 251.

³ С а р а т е А г у с т и н д е. Открытие и завоевание Перу. Фрагменты. — Хроники открытия Америки. 500 лет. М., 1998, перев. Т.Пишовой, с. 170.

⁴ Leyes Nuevas de Indias. México, 1952, p. XXII.

⁵ Ibid., p. XXIV.

⁶ Цит. по: Lagarta M. Lope de Aguirre. El loco de Amazonas Madrid, 1998. P. 43--44.

⁷ Inca Garcilazo de la Vega. Comentarios reales de las Incas. La Habana. 1973, p. 461.

⁸ Писарро Педро. Реляция об открытии и завоевании Перу. — А.К о ф м а н. Конкистадоры. Три хроники завоевания Америки. М., 2009, с. 328.

⁹ Inca Garcilazo de la Vega. Comentarios reales de las Incas, p. 456—457.

¹⁰ Ibid., p. 463—464.

¹¹ Ibid., p. 467.